

Ч. Сайнань
Z. Sainan

**В ПОИСКАХ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ Ю.М. ЛОТМАНА:
РЕКОНСТРУКЦИЯ ИДЕИ О КАРТОГРАФИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ⁸**

**IN SEARCH OF THE SCIENTIFIC HERITAGE OF Y.M. LOTMAN:
RECONSTRUCTING THE IDEA OF CARTOGRAPHIC TEXT**

Рассматривается идея о карте в разделе бессюжетного текста, которая выдвинута Лотманом. Данная идея в статье именуется как картографический текст. Исследуются два типа картографического текста — сюжетный картографический текст и бессюжетный картографический текст. В статье проанализированы сюжетный картографический текст «Героя нашего времени» М.Ю. Лермонтова и бессюжетный картографический текст путешествия Лариных через Москву в «Евгении Онегине» А.С. Пушкина. Установлено, что в картографическом тексте присуще перемещение героя через границу. Следует особо подчеркнуть, что в картографическом тексте транспорт становится действующим лицом. Средства передвижения являются сюжетно-мотивными комплексами в картографическом тексте, например, лодки, корабль, бочка, челн и пароход и т.д. С данной проблематикой соотносится теоретизирование Лотмана.

Ключевые слова: картографический текст, Лотман, сюжетный текст, бессюжетный текст, литературное картографирование, литературная карта.

The idea of a map in the section of a plotless text, which is put forward by Lotman, is considered. This idea is referred to in the article as a cartographic text. Two types of cartographic text – narrative cartographic text and plotless cartographic text – are investigated. The article analyses the narrative cartographic text of "A Hero of Our Time" by M.Y. Lermontov and the plotless cartographic text of the Larins' journey through Moscow in "Eugene Onegin" by A.S. Pushkin. It is established that in the cartographic text the hero's travelling across the border is inherent. It should be especially emphasised that in the cartographic text transport becomes an actor. Means of transport are plot-motive complexes in the cartographic text, for example, boats, a ship, a barrel, a boat and a steamship, etc.. Lotman's theorising correlates with this problematic.

Key words: cartographic text, Lotman, narrative text, plotless text, literary cartography, literary map, literary map.

DOI: 10.24888/2079-2638-2025-65-2-62-66

У Ю.М. Лотмана можно найти некоторые источники о картографическом тексте. Различая функциональные типы текста, он пишет: «Если мы вообразим себе географическую карту, то это будет хорошим примером классификационного

⁸ Исследование выполнено при поддержке проекта для выдающихся аспирантов Нанкинского университета (номер проекта: KYCX24_0074).

(бессюжетного) текста» [9, 229]. Размышляя о сюжете, он уточняет: «Представим себе пространственную модель сюжета в виде некоторой карты. На этой карте нанесены две страны, разделенные морем. Одна из них – ВН, другая – ВШ. Море – граница между ВН и ВШ. В таком виде карта будет соответствовать *бессюжетному тексту*. Теперь проведем на карте трассу морских сообщений. Это мы покажем, что граница, разделяющая эти два пространства и непреодолимая для всех предметов и людей, их населяющих, может быть преодолена кораблем. Корабль становится подвижным элементом текста, обладающим разрешением на перемещение в запретной для других области и соединяющим исконно разделенные сферы пространства» [8, 404]. Здесь ВН – внутренняя часть, а ВШ – внешняя часть, обе они образует единое пространство. Далее, «вводя трассу, мы сразу же определяем три типа характеристик *сюжетного текста*: а) направление. Корабль задает типовой путь из ВШ в ВН и из ВН в ВШ; б) реализация движения. Трасса задает типовой путь. Реальный корабль может проделать его до половины или вообще оказаться неспособным к этому пути; в) отклонение с пути» [8, 405].

Рассуждения ученого инициируют вопрос: карта относится к сюжетному или бессюжетному тексту? По Ю.М. Лотману, бессюжетный текст создает свой, ограниченный от внешнего и структурированный, мир. Если на карте совершается какое-то перемещение через границу, ее можно отнести к бессюжетному тексту с сюжетными элементами. Но она же может быть моделью сюжетного текста: «Пример с картой можно представить себе как модель сюжетного текста. Он включает в себя три уровня: 1) уровень бессюжетной семантической структуры; 2) уровень типового действия в пределах данной структуры и 3) уровень конкретного действования» [9, 229]. Поэтому карта в целом может рассматриваться как особый бессюжетный текст.

Из этого вытекает чрезвычайно значимый вывод: если в географической карте задается типовой путь, перемещение героя внутри картографического пространства событием считается, а если происходит событийное пересечение границы, данный географический текст является самостоятельным⁹. Далее рассмотрим некоторые существенные характеристики картографического текста.

Картографический текст как пространственная модель сюжета. В географической карте бессюжетная структура пространства имеет возможность строить собственную «картину мира», и поскольку «карта и типовая трасса – понятия пространственные и ахронные» [9, 229], топосы играют в этой картине мира доминирующую роль.

Картографическому тексту характерен мотив-путь. По выражению Ю.М. Лотмана, путь — это «особое индивидуальное пространство <...> персонажа» [8, 441]. Если герой однотипен окружающей среде, то у него нет пути, к примеру, у Тараса Бульбы в одноименном произведении Н.В. Гоголя. «Путь, который пространственно может быть представлен в виде линии, – это непрерывная последовательность состояний, причем каждое состояние предсказывает последующее» [8, 441]. По мнению Ю.М. Лотмана, в карте транспорт задает типовой путь, и для карты характерна оппозиция направленность – ненаправленность. У мотива-пути существуют два состояния: последовательность и отклонения от пути. Отклонения от пути в широком смысле понимается как движения героя к смерти.

Картографическому тексту присуще перемещение героя через границу. Героям, являющимся неотъемлемой частью пространства и закрепленным в структуре семантического поля, трудно преодолевать пространственные границы, поэтому Ю.М. Лотман называет их «статичными героями» в отличие от «подвижных». «В отношении к границе сюжетного (семантического) поля действительность выступает как преодолевающий ее, а граница в отношении к нему – как препятствие» [9, 230]. И это «пересечение границ становится сюжетообразующим фактором» [2, 194].

⁹ Следует заметить, что картографический текст еще остается научным вакуумом в исследованиях теоретического наследства Ю.М. Лотмана.

В картографическом тексте транспорт становится действующим лицом. Лотман, говоря о карте и пути корабля, пишет: «Действующим здесь оказался не человек, а корабль, препятствиями – не люди, а бури, течения и ветры, границей – океан, окружением и "антиокружением" – пункты отправки и прибытия» [9, 231]. Транспорт преобразует героя из неподвижного персонажа в подвижного.

Транспорт – подвижный элемент картографического текста. Одной из самых интересных проблем является связь между видом транспорта и сюжетом картографического текста. К водным видам транспорта в картографическом тексте в основном относится корабль (лодка), к земным – сани, коляска, карета, трамвай, поезд и т.д.

Транспорт в литературе имеет особое сюжетное значение, он часто связан с топонимами, указывающими на места отбытия и прибытия героев. В русской литературе не все произведения с транспортным компонентом относятся к картографическому тексту. Например, в «Евгении Онегине» Пушкина: «Соседи съехались в возках, / В кибитках, в бричках и в санях [11, т. 6, 108]. Очевидно, что здесь кибитка, бричка и сани не играют сюжетообразующей роли.

Поезд анализируется как знакомый элемент хронотопа железной дороги, широко исследованного литературоведением (А.И. Иванов и Н.В. Сорокина [3], Н.А. Непомнящих [10], Н.В. Константинова [5], Г.Ю. Филипповский и А.И. Зимина [12]. В рамках оппозиции старинного уклада жизни – технического прогресса победа за железными дорогами над телегой и тройкой (по выражению В.Г. Белинского [1, 118]). В творчестве А. Платонова поезд достигнул образного уровня одушевленного существа, в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» является сюжетогенным. С поездом («Анна Каренина» Л. Толстого), как и с «железным» трамваем («Мастер и Маргарита» М. Булгакова) нередко связана тема смерти.

«Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова как сюжетный картографический текст. Роман «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова можно рассматривать как морской картографический текст. Один из эпизодов романной истории Печорина – его пребывание в маленьком приморском городке – Тамани, о которой он рассказывает следующее: «Тамань – самый скверный городишка из всех приморских городов России. Я там чуть-чуть не умер с голоду, да еще вдобавок меня хотели утопить» [6, 43]. Это малое, но достаточно симптоматичное свидетельство неприятия героем современной ему реальности, неприятие, которое не только формирует характер Печорина, но и служит движущей силой сюжетного развития романа.

Пространство Тамани ограничено морем, и в картографическом тексте действующим лицом, пересекающим водную границу, является не Печорин, а судно. Тамань в глазах героя предстает как негативный топоним, который кодируется такими эпитетами, как «скверный», «нечистый», «дурной» и т. д. Однако для «честных контрабандистов» Тамань – спокойный и мирный город, а появление Печорина сродни камню, растревожившему водную гладь, и в этом плане оценки Тамани Печориным и ее обитателями контрастируют.

«Суда в пристани есть, – подумал я: – завтра отправлюсь в Геленджик» [6, 43]. Эта цитата намекает на то, что Печорин планирует уехать в тот же день, когда прибыл в Тамань, с намерением добраться на судне до Геленджика. В конце таманской части: «Слава богу, поутру явилась возможность ехать, и я оставил Тамань» [6, 51]. Впоследствии читатель узнает еще об одном месте, отмеченном на карте, – городе Пятигорск. Таким образом, можно четко проследить карту пространственного перемещения главного героя.

Если бы водные границы в Тамани не были нарушены, о судьбе Печорина невозможно было бы узнать. Однако ясно одно: если бы он не покинул Тамань, то не познакомился бы с Грушницким в Пятигорске, не встретил бы княжну Мери, не вмешался бы в их отношения и, в конце концов, не стал бы участником дуэли с Грушницким. Поэтому в картографическом тексте отплытие и прибытие судна становятся ключом, способствующим развитию сюжета и трансформации главного героя из статического в динамическое.

Путешествие Лариных через Москву в «Евгении Онегине» А.С. Пушкина как бессюжетный картографический текст. Ю.М. Лотман проводит географическую археологию путешествия Лариных через Москву, воссоздавая маршрут Татьяны следующим образом: «Автор сознательно провез Татьяну и через окраины, и через центр Москвы: от Петровского замка, стоявшего вне черты города, через Тверскую заставу, по Тверской-Ямской, Триумфальной (ныне Маяковского) площади, Тверской (ныне ул. Горького), мимо Страстного монастыря (Пушкинская пл.), далее, вероятно, по Камергерскому переулку (проезд Художественного театра), пересекая Большую Дмитровку (ул. Пушкина), по Кузнецкому мосту и Мясницкой (ул. Кирова) до Харитоньевского переулка» [7, 68].

Это карта, начерченная Ю.М. Лотманом на основе сюжета «Евгения Онегина», по которой можно составить литературную карту романа. Она не только восстанавливает историческое пространство столицы, но и демонстрирует глубокую интеграцию литературного повествования и географического пространства. Литературная карта помогает читателю ощутить настоящее прошлое.

Анализируя движение Улисса в «Божественной комедии» Данте, Ю.М. Лотман отмечает, что его путешествие словно разворачивается на карте, на которой Данте видит героя, плывущего в лодке [8, 455]. Очевидно, что идея литературного картографирования уже прослеживается в теории Ю.М. Лотмана, причем, эта идея специфична: его литературное картографирование опосредовано средствами транспорта, и главный герой текста осуществляет пространственное перемещение с помощью конкретных средств передвижения.

Картографический текст как один из важных аспектов научного наследия Ю.М. Лотмана. В.Н. Калущков в своей книге «Литературная география» (2024) выделяет два уровня литературного картографирования: картографирование литературных и внелитературных пространств, связанных с литературными именами, и картографирование территорий – городов, регионов, отдельных стран [4, 92]. Исследования показывают, что картографический текст Ю.М. Лотмана также может быть использован в качестве литературного картографирования. Согласно типологии литературного картографирования, картографический текст можно разделить на два типа: первый – внелитературное пространство, то есть места в картографическом тексте соответствуют реальным географическим местам, что позволяет построить реалистическую литературную карту; второй – литературное пространство, то есть места в картографическом тексте, не имеющие аналогов в реальном пространстве, т.е. вымышленные.

В своем «Атласе европейского романа, 1800–1900» (1998) Ф. Моретти предлагает сосредоточиться на двух фундаментальных моментах литературных карт: во-первых, карты подчеркивают пространственно-граничную природу литературных форм, то есть то, что каждая литературная форма имеет свою уникальную геометрию, у которой есть границы, пространственные табу и излюбленные маршруты; во-вторых, карты могут раскрыть внутреннюю логику повествования, то есть символическое поле, вокруг которого сюжеты соединяются по вертикали и горизонтали и организуются друг вокруг друга [13, 7]. Но еще в 1970 году Ю.М. Лотман в «Структуре художественного текста» уже выдвинул идею литературной карты, и в этом плане она оказалась перспективной для исследования художественного произведения.

1. Анненский И.Ф. Стихотворения и трагедии. Л., 1990.

2. Егоров Б.Ф. Жизнь и творчество Лотмана. М., 1999.

3. Иванов А.И., Сорокина Н.В. Железная дорога в русской художественной культуре XIX–XX вв. // Вестник Тамбовского университета. 2011. № 12–2. С. 670–679.

4. Калущков В.Н. Литературная география. М., 2024.

5. Константинова Н.В. «Железнодорожные сюжеты» в современной прозе (на материале сборника «Красная стрела» // Сюжетология и сюжетология. 2015. № 2. С. 185–193.

6. Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени. М., 1962.

7. Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий: Пособие для учителя. Л., 1983.
8. Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. М., 1992. Т. 1.
9. Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. М., 1998.
10. Непомнящих Н.А. Железная дорога как комплекс мотивов в русской лирике и эпике (обзор) // Сюжетно-мотивные комплексы русской литературы / отв. ред. Е.К. Ромодановская. М., 2012. С. 92–106.
11. Пушкин А.С. Евгений Онегин // Полн. собр. соч.: в 17 т. М., 1995. Т. 6.
12. Филипповский Г.Ю., Зими́на А.И. Метафорическое пространство концепта железная дорога в текстах русских и европейских романтиков XIX в. // Верхневолжский филологический вестник. 2019. № 2. С. 8–15.
13. Franco Moretti. *Atlas of the European Novel. 1800–1900*. London: Verso, 1998.